

Аполлон Николаевич Майков
(1821-1897)

Два мира
Трагедия

По поводу трагедии «Два мира» считаю необходимым сказать несколько слов. Давно, еще в моей юности, меня поразила картина столкновения древнего греко-римского мира, в полном расцвете начал, лежавших в его основании, с миром христианским, принесшим с собою новое, совсем иное начало в отношениях между людьми. Я тогда же попытался изобразить ее в поэме *Олинф и Эсфирь*.

Затем следовала поэма *Три смерти*, вторая часть которой, именно встреча с христианами, так и осталась недописанною. В 1863 году явилась и эта вторая часть, и поэма была напечатана в «Русском вестнике», под заглавием *Смерть Люция*. Далее, однако, углубляясь в изучение того и другого мира, я чувствовал всю недостаточность, всю внешность черт, какими характеризовал ту и другую сторону в моих опытах, и к 1872 году поэма у меня совершенно пересоздалась. В *Смерти Люция* героем, представителем греко-римского мира, у меня являлся эпикуреец; но этого мне показалось мало. Герой должен был вмещать в себе все, что древний мир произвел великого и прекрасного: это должен был быть великий римский патриот, могучий духом, и вместе с тем римлянин, уже воплотивший в себе всю прелесть и все изящество греческой образованности. Эпикуреец остался далеко назади пред этим образом. Вокруг этого нового героя, которого я назвал Децием, чтобы порвать всякое отношение к эпикурейцу, я сосредоточил все разнообразие элементов современного ему римского общества времен падения, как фон, на котором должна была нарисоваться его фигура. Здесь я уже сделал все, что мог, в изображении языческого мира. Но понять христианский мир не только в отвлеченном представлении, а в живых осмысленных образах, в отдельных личностях, оказалось гораздо труднее, чем сладить с миром языческим. Какое-то внутреннее неудовлетворявшееся чувство не давало мне успокоиться, и я не пропускал ничего, что могло познакомить меня ближе с духом, образом и историей первых христиан, главное почерпая сведения уже не из вторых и третьих рук, а ища прямо в литературе, во главе которой стоит св. Евангелие.

Так, мало-помалу, без ведома для меня самого, с какою целью я это делаю, у меня накопился материал, позволивший мне теперь выполнить вполне мою первоначальную идею, и даже по тому плану, какой был составлен до 1872 года.

План этот следующий. Поэма должна состоять из трех частей (или актов). Первая часть - из двух сцен, из коих одна должна была служить преддверием к христианскому миру, а другая к языческому. Обе сцены были написаны тогда же.

Вторая часть должна ввести нас в самый христианский мир, имевший свой центр в Риме - в катакомбах. Она-то мне и не давалась и является только теперь. Третья часть - пир Деция, явление к нему друзей его, христиан Марцелла и Лиды, и смерть его. Таким образом, в трагедии, как она появляется ныне, вся вторая часть новая; первая сцена первой части вся переделана, а заключительная сцена третьей части значительно изменена.

Может быть, многим покажется странным, что человек чуть не всю свою жизнь возится с одною художественною идеей или, по крайней мере, столько раз к ней

возвращается. Но, видно, я следовал инстинкту, подсказывавшему мне, что лучше сделать что-нибудь одно, да «по мере сил»...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

На одном из холмов Рима входные ворота в палаты Деция, знатного римского патриция времен Нерона. По обеим сторонам ворот на цепи по рабу: старец Иов и молодой человек Даки. Иов в забытьи, прислонясь к стене. К Даки подходит его однолесток Гет. Оглядевшись во все стороны, он садится рядом с Даки.

Весь разговор их полупешотом, настроение их таинственное.

Гет

Что, старец дремлет?

Даки

Тс! Молчи!

Как будто задремал немного,
А может быть, и нет. В ночи
С ним было чудо: видел Бога.

Гет

Как видел Бога?

Даки

Говорил

Он как, да слаб уж очень был,
Невнятно. Час, пожалуй, целый
Лежал он словно помертвелый.
Так страшно было! Я будил,
Не слышит.

Гет

Бога видел!

А впрочем, если уж кому
И видеть Бога, так ему!
Ну есть ли кто, кого б обидел
Хоть словом он?.. Вот за кого
Я б душу отдал - понимаешь,
Так, чтоб в мученьях!..

Даки

А ты знаешь,
У цепи он из-за чего?

Гет

Нет.

Дак

Видишь, прежде он в почете
Был в доме. Ни к какой работе
Не понуждали. Господин
С ним разговаривал. Один
Вот этот Давус ненавидел,
И раз стал бить его. У нас
Был мальчик: это он увидел,
Да хватъ за нож, и тут как раз
Конец бы Давусу, да кто же
Его, как думаешь ты, спас?
Сам старец Иов.

Гет

Боже! Боже!

Дак

Да, ухватил и удержал.
А Давус: «Это, - закричал, -
Твои дела! Ты их собираешь,
Ты их мутишь и развращаешь,
Да у меня короток суд».
Ну, мальчика к муренам в пруд,
А старца к цепи!

Гет

(подумав)

А кто знает?

Ведь мальчик-то теперь в раю!
Всё ж душу положил свою
За ближнего!.. Вот что бывает
Со мною: будто у меня
Есть враг; и я иль из огня,
Иль из воды его спасаю,
И на меня дивится он.
И вот ему я объясняю,
Что уж таков Христов закон:
«Люби врага...» И так всё живо,
И говорю, и сам горю,
И даже плачу...

Молчание.

Дак

А ты во сне выдаешь дом?

Гет

Уж редко.

Дак

Ну, а я выдаю.

У нас крутой был спуск к Дунаю,
А против поле, и на нем
Становят станы: всё кругом,
Всё вежи... Шум такой и ржанье...
Тут как-то снилось, что пришли
С войны и пленных привели
И их готовят на закланье
Богам. И начал я просить,
Чтоб их не трогали; хулить
Стал идолов, и - закричали
И на меня все разом - взяли
И тащат, и хотят убить,
А я-то всё за них молюся...
И старец Иов вдруг уж тут
Явился.

Слышно хлопанье бича. Гет вскакивает и смотрит с горы; возвратясь впопыхах.

Гет

Давуса несут...

Бегом да в гору!

(Толкает Иова.)

Старче!

Проснися! Давус!..

(Убегает.)

Подбегают десять рабов, несущие золотые носилки, и ставят их перед воротами. Как остановились, двое из них упали без чувств, остальные с трудом переводят дух. Из носилок вылезает толстый дворецкий Дециев Давус.

Давус

(расправляя руку, держащую плеть)

Мерзавцы! Ломит ведь плечо!

Сегодня умирать изволит

Их господин, а им еще

Прибавить шагу трудно!..

(Смотрит на упавших.)

Пали,
Собаки! Слабосильны стали!
(Ударяя Дака плетью.)
Ты что глазеешь? Отворяй!
(К носильщикам, увидев, что они хотят поднять упавших.)
Да бросьте: мало их!.. Ступай
Вы все вперед, бегом! Стучите
В большую доску десять раз;
Потом чуть-чуть повремените -
Опять ударить десять раз!
Еще чуть-чуть повремените -
Опять ударить десять раз!
Пир на весь Рим!.. Ну, что стоите!
(Рабы бегут; Давус им вслед.)
Чтоб вылезали все из нор!
Бежали б к делу все, весь двор,
Чтоб все одеты, чисты были!..

Чего не позабыл ли?.. Ну,
Не в первый раз! Рим покормили
В свой век, и кесари хвалили!

Хор, танцы - этим я начну;
Цветы ко всяким переменам,
Бой гладиаторов - финал!
(Оглядываясь на рабов.)
Лишь бы из них кто не сплошал...
Да у меня - тотчас к муренам!
Не знаю всё - что мой народ?
Уж смирны очень, терпеливы...
Нет воровства совсем!.. Идет
Всё в струнку... Только молчаливы
И что-то шепчутся... И к ним
Всё кто-то шмыгает, к собакам...
Ох, на волкане мы стоим!
Спартакон пахнет, да! Спартакон!
(Уходит в ворота.)

Дак
(затворив двери, к упавшим)

Сс!.. Азиатик! Буривой!
Не слышат...

Входит Лида, молодая женщина, в темной тунике, с белым покровом на голове, низко спускающимся на лицо; за нею несколько человек христиан.

Лида
(увидя трупы)

Это кто?.. Кровь льется...
Несите вниз туда, к больным.

Несколько человек уносят тела.

Дак

Надорвались!.. Не жить уж им!..
Жаль Буриvoja... Вместе взяли
И привели нас...

Иов

(с тихую скорбью; вообще речь его кроткая)

Отстрадали

Свой век и к Господу предстали,
И пред Его теперь лицом...
Святую кротость их помянет
Всевышний на суде Своем!

Дак

И вот же, в эту ж ночь предстанет
И господин туда, и там
Их встретит... Здесь собой надменный,
Великий, недоступный нам,
А там - из огненной геенны
Смотреть он будет в светлый рай,
К своим рабам!..

Иов

Не упреждай
Господень суд!

Лида

О господине
Ты что сказал?

Дак

А хочет ныне
Он умирать...

Лида

Он болен!

Дак

Нет.
Сказал тут Давус - умирает
Сегодня...

Лида
(про себя)

Боже! И его
Я не спасу!..

Дак

Весь Рим сзывает
На пир. И Давус оттого
В тревоге...

Лида

Деций умирает!
Он, Деций! Да ведь в нем весь Рим,
В веках держащийся корнями, -
И сдвинуть слабыми руками
Мне, женщине?.. О нет, нет, нет!..
Безумная! а ты обет
Себе давала...

(К Иову.)

Отче, может
Поверить он?

Иов

Чего не может
Господь? Велит Он, и гора
Подвигнется...

Лида

Ведь он добра,
Он истины искал...

Иов

Помилуй
Всех, Господи! Всем даруй силу
Гордыни тяжесть превозмочь
И распознать, где день, где ночь!

Лида

К тебе я, отче; вот в чем дело:
Поручено мне от Марцелла
Сказать, что выйдет, может быть,
Декрет сегодня ж: объявить,
Чтоб завтра утром мы явились
К властям, как Богу поклонились

Статуе кесаря, а нет -
То смерть. Чтоб обсудить решение,
Всех в катакомбы на совет
Зовет Марцелл.

Дак
(восторженно к Иову)

Твое виденье!..

Лида

Предложат каждому один
Вопрос: ты кто? христианин?
Ответишь «да» - и отбирают,
К зверям иль в пламя назначают,
И тут же всех пытаться тотчас,
Чтоб в муках вырвать подтверждение
Всего, что взводится на нас.

Дак

Вот ангелов зачем виденье!

Лида
(к Иову)

О чем он, отче, говорит?

Дак
(живо, указывая на Иова)

Сегодня ночью откровенье
Имел он свыше!..

Иов

Смысл сокрыт
Видений... Вряд ли подобает
Об этих тайнах говорить...
Хотя и то же может быть:
Господь в виденьи возвещает
Свою нам волю...

Да! со мной
Свершилось ныне то, что даже
Я и теперь как сам не свой...
Сидел я здесь, и над собой -
А время шло к четвертой страже -
Вдруг слышу голос: «Встань!» - и вдруг
Как будто что меня подняло
На высоту - и только дух,
А тело на земле лежало,

Что риза снятая, - его
Я видел: бледно и мертво,
И без движенья... Подивился
Я сам в себе и взор возвел
На небо, и как бы раскрылся
Там облак... Вижу я: престол,
И некто был на нем Сидящий,
И свет великий вкруг Него,
Как бы от солнца, исходящий
В пространство от лица Его;
И, словно в радужном тумане,
С блистанием мечей и лат,
Полки несметные, ко брани
Готовые, кругом стоят;
И, с распростертыми крылами,
Внизу, на воздухе, пред ним
Всё были ангелы с мечами
В руках... И говорил Он им:
«Которые не поклонились
Кумирам идольским, ни мук,
Ни смерти злой не утражились, -
Блюдите души их...» И вдруг,
Всшумев крылами, обернулся
К земле сонм ангельский, и вниз
Они в пространство понеслись...
Я поглядеть на них нагнулся,
Но облак быстро запахнулся,
И скрылось всё... Темно кругом -
И так мне тяжело, страшно стало!
И я глаза открыл с трудом -
И всё как прежде: портик, дом,
И цепь - всё тут... Чуть-чуть светало...

Один старик
(*благоговейно*)

Господь уж это... по делам
Твоим... восхитил к небесам
Твой дух... быть может, упреждает
Через тебя, что Сам идет
Судить, и знаменье дает...

Иов

Когда Господь придет, не знает
Никто!.. И мир Его узрит
Внезапно, во мгновенье ока,
Как молния: блеснет с востока
И разом небо озарит
До края запада...

Лида

...Теперь, отец, прости,
Иду к другим.

Иов

Всем повести!

Дак
(ей вслед)

Уж завтра встретимся, быть может,
При гласах трубных... день суда!

Лида

(делает несколько шагов и останавливается)

Сердца их радуются... Да!
Но душу мне еще тревожит
Обет, не совершенный мной...
(Оглядываясь на дворец Деция.)
О Деций, Деций... Боже мой!
Ужель и в миг, когда над бездной
Теперь стоит он, Ты ему
Не бросишь луч Свой с тверди звездной
Во всю им пройденную тьму!
(Уходит.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Комната в термах.

Деций, богатый римский патриций, отдыхает после бани, окруженный клиентами.

Вдали, у выходной арки, толпа рабов. Ювенал, молодой человек, заглянув в комнату, поспешно входит.

Ювенал

Ах, Деций! на одно мгновение!
По знаку Деция клиенты и рабы удаляются.
Ужели правда?

Деций

Жаль одно!
Задумал я уже давно,
Да отлагал всё исполненье
И кесарю доставил честь
Напомнить! Вот что мне обидно!

Я знаю, стоит произнести
Мне только слово, - с тем бесстыдный
И назвался ко мне евнух
Миртилл на ужин: обнимает
И ластится, как нежный друг,
На все лады мне намекает,
Скажи, мол, слово, и тотчас
Всё позабыто! Но уж нас
Врасплох, надеюсь, не застанет!

Ювенал

Ужель вся буря оттого,
Что декламацией его
Ты не был тронут?

Деций

Как кто взглянет!
Ему на чтеньи три лица
Своим присутствием уж в зале -
Помпоний, Руф и я - мешали,
И крикнул он: «Три мертвеца!» -
И вышел, в нас швырнувши свиток...
Что ж? Слово кесаря - закон!
В нем - Рим!.. Я тут же на прощанье
На пир всё пригласил собрание...
Но тотчас спохватился он:
От казней, от убийств и пыток
Рим отдохнуть успел едва;
Везде читаются слова
Предсмертные Сенеки; шепот
Еще идет, как умирал
Пизон и Люций, даже ропот
В преторианцах пробежал, -
И к нам клеветы за клеветом
Он шлет с намеком иль советом.
Руф и Помпоний, перед ним
Те извинились: мы молчим...
Весь анекдот, пожалуй, в этом.

Ювенал

В какое время мы живем!..
И жизнь, и смерть - всему значенье,
Цена утрачена всему!

Деций

(равнодушно, полушутливо)

Что значит жизнь? Из тьмы и в тьму
Промчался мотылек, мгновенье

Блеснув на солнце!.. Человек
Сам по себе что значит в мире?
Кому он нужен? Кончен век,
И за прибор его на пире
Другой садится...

(Вдруг одушевляясь.)

Но для нас,
Для старых римлян, для фамилий.
Которых с Римом жизнь слилась,
Которых предки Риму были
Отцами и которых дух
Из рода в род передавался
И держит Рим, - уж то нейдет
Сравнение!.. В Рим теперь собрался
Со всей вселенной всякий сброд;
В курульных креслах восседают
Чуть не вчерашние рабы
И грязным пальцем наклоняют,
Куда хотят, весы судьбы...
От этой сволочи презренной
Мы устранились и смиренно
Живем в провинциях, в полях;
На Рим, пока он в их руках,
Глядим извне, как чужестранцы
Или как трезвые спартанцы
На перепившихся рабов...
Мы ждем, и наша вся забота
Лишь в том, чтоб старый дух отцов
Являлся требовать отчета
В палаты кесарей порой;
Чтоб у поруганного трона
Он появлялся судьей,
Грозящим призраком Катона, -
А этот призрак всякий раз
Встает, во все дома стучится,
Лишь только новое свершится
Самоубийство между нас!

Ювенал

Самоубийство, меч, отравы!
И в этом - лучших из мужей
Теперь величие и слава!
Что ж с бедной музою своей
Поэт тут сделает?.. Не знаешь,
На чем стоишь! Почти теряешь
Уж и понятие о том,
Что называть добром и злом!

Деций

Да, жаль мне вас!.. На вашу лиру

Из мира нечему пахнуть,
Чтобы аккордом звучным миру
Ей отозваться как-нибудь!..
У диких скифов и тевтонов
Видал ночные я пиры:
Среди глухих, лесных притонов
Зажгут они свои костры,
В кругу усядутся в долине
И пьют меды, а посредине
Поет певец. Напев их дик,
Для нас, пожалуй, неприятен, -
Но как могуч простой язык!
Как жест торжествен и понятен!
И кто там больше был поэт -
Певец иль слушатели сами?
Но эта ночь, в лесу, с кострами,
И между листьев лунный свет,
И в лихорадочной тревоге
Кругом косматый этот люд -
Всё - даже самые их боги,
Что в вихрях мчатся, тоже тут,
С высот внимают, - всё дышало
В тех песнях пламенных... Но в них
Певец вливал в свой звучный стих
То, что толпа ему давала...
А вы? Куда вас повлекут
И что вам слушатели скажут?
Какие цели вам укажут
И в ваши песни что вольют?

Ювенал

И Рим такой же был когда-то!
Такая ж песнь и в нем жила!
Он пел Виргинию, дела
Кориолана, Цинцинната!..
О Деций, нет! с собой самим,
С тобой к чему мне лицемерить?
Но я почти не верю в Рим!

Деций

Кто верит в разум, тот не верить
Не может в Рим!.. Афины - в них
Искусства нам явилось солнце;
Их гений в юном Македонце
Протек между племен земных,
С мечом неся резец и лиру.
Рим всё собой объединил.
Как в человеке разум; миру
Законы дал и мир скрепил.
Находят временные тучи,

Но разум бодрствует, могучий
Не никнет дух... И сядь на трон
Философ - с трона свет польется,
И будет кесарев закон
Законом разума. Вернется
Златой, быть может, век. Твой дар
Сатира. Помни ж, что сатира -
Дочь разума. Ее удар
Разит перед глазами мира.
Чтоб мир признал твои права,
Ты должен сам стоять высоко:
Стрела тогда лишь бьет далёко.
Когда здорова тетива!
Вот что тебе я на прощанье
Сказать могу!..

По знаку Деция рабы и клиенты к нему подходят и надевают на него верхнюю тогу.

Ювенал
(в раздумьи)

...Ужасное сознание!
В чем, где же эта высота?
В душе кипит негодование,
Под ним же, боги, пустота!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В КАТАКОМБАХ

Большая зала в катакомбах. Направо, налево внутренние подземные входы. При них лампы. По стенам несколько ниш для гробниц, и над ними надписи. В глубине сцены вырубленная в скале лестница. На повороте этой лестницы, в половину ее высоты, сидит Дидима, девочка, слепая; тут же светильник и свечи. В глубине сцены, около стены, где лестница, значительная группа разных лиц, странников и преимущественно рабов, слушающих Иова.

Дидима
(заслыша шаги приближающихся двоих, нараспев)

Свечечкой, свечечкой,
Зрячий, от слепенькой
В путь запасись!

Один из проходящих

Мы к старцу Иову... Господь
С тобой, Дидима!

Дидима

С вами тоже!

Они сходят с лестницы и присоединяются к слушателям.

Девочка
(сама с собою, нараспев)

Мне он ненадобен,
Светоч земной!
Всё озаряет мне
Света небесного
Искорка малая
В сердце моем...

Один из группы слушающих Иова

А после женщин Он потом
Ученикам явился днем?

Иов

Да, ввечеру. Как прибежали
К ученикам они, сказали,
Что видели, те всё почли
За их мечтанье. С этим двое,
Клеопа и Лука, пошли
В Эммаус. Место там пустое
Дорогой. Шли они одни -
Вдруг между них явился Третий
И их спросил: о чем они
Печалются и плачут? Эти
Дивятся: как же это он
Не знает, быв в Ерусалиме,
Что там Исус-пророк казнен!
Он речь повел об этом с ними,
И слушать сладко было им,
И на слова Его горело
Их сердце. Между тем стемнело.
Подходят к дому. Дольше с Ним
Побыть им хочется, и просят,
Чтоб с ними в дом и Он вошел.
Зажгли светильник. Хлеб приносят,
Вино. И, взявши хлеб, возвел
Горе Он очи, преломляя
Его с благословеньем: вмиг
Как бы открылись очи их,
И оба вдруг они признали,
Что это Сам Он - с ними шел,
И говорил, возлег за стол,
И делал так всё, как видали,

Он делал, - и выиграл их дух:
«Равви», - хотели уж воскликнуть
И броситься к Нему, как вдруг,
Глядят, Он стал невидим...

Слепая
(у себя наверху)

Свечечкой, свечечкой,
Зрячий, от слепенькой
В путь запасись!

Двое молодых людей, Главк и Эвмен, подходят к ней, берут свечи.

Эвмен
(спускаясь с лестницы)

Отсюда без огня уж нам
Нельзя идти.

Главк
(указывая на девочку)

Она слепая?

Эвмен

Слепая, но по всем путям,
Свои приметы наблюдая,
И здесь, и в городе пройдет
Везде одна...

Главк

И раздает
Нам, зрячим, свет!

Эвмен
(приближаясь к авансцене)

Да, но простая
Одна случайность... Видишь, тут
У нас для странников приют,
Их первый отдых. Издалека
Приходят - с запада, с востока,
Из Африки. От всех церквей
Приносят вести, край от края,
Со всей земли. Вокруг гостей
Всегда беседа...

Главк

Тут слепая,
Свет раздающая!.. в цепях
У входа старец - руки, плечи
Изъязвлены, а в небесах
Витает дух и на устах
Любви исполненные речи, -
Всё это точно чудный сон!

Эвмен

Тот старец? Оглянись, вот он!
Как люди кончат труд, с тяжелой
Он цепи сменится - всё тут!
Все, как на цвет медвяный пчелы,
Послушать слов его бегут...
Начитан древних книг еврейских,
Сам он с Востока, был вождем
Племен каких-то арамейских
(Язык их сходен), жил царем,
Полн гордых замыслов когда-то, -
И вдруг разгром! Всего утрата!
Пленен и продан, дни влачит
Рабом - и что же?.. Говорит,
Что бытия познал он сладость
Лишь тут, по благодати Творца;
Что тут вкусил и понял радость
Он вдруг прозревшего слепца;
Что лишь в цепях, на жестком ложе,
Обрел он то, что нам дороже
Земного скиптра, и венца,
И всех сокровищ мира, - Бога
И путь к Нему! И с этих пор,
Как путник ночью у порога
Пред освещенным домом, взор
Он с совершенств его не сводит,
И в созерцанья их находит
Ту мудрость, силу и покой,
Чем всех невольно покоряет,
И в высоты, где пребывает,
Всех увлекает за собой...

Главк

Не в этом ли и всё ученье
Христа, Эвмен? Не всё ль в одной
Молитве «Отче наш»? В моление
О Царстве Божьем на земли?
Когда б мы все постичь могли
Отца святое совершенство
И все исполнились бы им, -

Жизнь стала б вечное блаженство
И мир стал раем бы земным!
Его лишь волю б мы творили,
И зло исчезло б навсегда...
Не только кары, мы б суда
Название даже позабыли!

Эвмен

Ах, Главк, умом хоть и поймешь
И видишь дивные примеры,
Да вдруг ни силы нет, ни веры,
И ты колеблешься и ждешь,
Как перед пропастью, - спасенье
Иль шаг изменит - и паденье!
Пример нам старец Иов... Но...
Вот видишь, Главк, раздвоено
Всё существо мое! Тревожит
Меня сомненье: дай совет.
Назавтра брак мой, и, быть может.
Назавтра ж кесарев декрет!
Быть может, страх мой и не к месту,
Но против воли трепещу.
Что поведу я вдруг невесту
Не к алтарю, а к палачу, -
И тут испуг или невольный
Прочту укор в ее глазах,
Сам поколеблюсь... Вот мой страх?
И с ним мне тяжело и больно!
Так молода! Почти дитя...
Вхожу вчера, в душе так мрачно,
Она, с подругами шутя,
Спешит наряд окончить брачный,
И спор у них - из-за шитья!
Чтоб я решил, еще хотела!..
Потом другое: вечерело,
В саду сидела вся семья;
Два белых голубя над нами
Взлетали плавными кругами
Всё выше в синеву небес;
Она следит, дохнуть не смея,
Как светлой искрой, всё слабея,
В лазури вдруг их след исчез...
Она мне крепко сжала руку
И шепчет: «Это мы с тобой!»
И улыбается... Какой -
Ну как сказать - восторг и муку
В тот миг я разом ощутил...
Что отвечал уж - и не знаю...
Прости мне, Главк! Хоть облегчил
Признаньем сердце...

Главк

Понимаю.

Но вряд ли прав ты перед ней.
Всей новой жизнью моей -
А этой жизнью называю,
Когда Христа лишь начал знать, -
Я женщине обязан. Мать
Меня взрастила в неге, в холе.
Из этой роскоши потом
Вдруг очутился я рабом,
Но роскошь та же и в неволе:
Хозяин мой был меценат,
Поэт, певец, над ним, скорее,
Я деспот был, и он был рад
Служить любой моей затее,
Гордясь лишь правом надо мной.
Так я страстям не знал преграды
От детских лет; всегда с толпой
Друзей: где явимся - пощады
Уж нет и нет на нас суда!
Вдруг вспылал я страстью - да! -
К замужней женщине... Бывало,
Полуспустивши покрывало,
Идет... Ребенок иногда
За палец держится... Сгораю
Я, вспоминая, от стыда...
Я тотчас план изобретаю
Из дома выманить, увлечь
И обмануть. Обдумал речь -
Уже заране торжествуя, -
Друзья в засаде, в дом вхожу я
И вижу: на густых коврах
Она, ребенок на руках,
Другой целует шею, третий
Из-за плеча, с боков, в ногах,
Кругом смеющиеся дети,
И улыбается она,
Живым венком окружена
Из детских лиц; все во мгновение
Прижались к ней. В самой смущенье -
«Кто ты? Зачем?» - порыв души,
Здесь до меня без опасенья
Царившей в тайне и тиши
Своей святыни... Все расчеты,
Вся ложь, с какой вошел я к ней,
Разбились в прах. Что из детей,
Окроме двух, те все сироты,
Что это христианский дом,
Я прежде знал. Стою, стыдом
Как бы прикованный на месте...
Эвмен, я то хочу сказать:

Мне кажется, в твоей невесте
Должна, уж в девице, сиять
Такая ж будущая мать
И то ж для близких провиденье,
Как та мне сделалась потом...
Ну, в свой черед мне извиненья
Просить - я задержал, идем.
Уходят, засветив свечи.

С лестницы между тем спускается слепой старик, ведомый мальчиком.

Слепой старик
(к мальчику)

Здесь и сберутся и объявят
Декрет?.. Ну, вот! до своего
И дожил дня!.. Ведь я его
Сам близко видел... Запоздали
В пути мы и как раз попали,
Как выводил его Пилат
К народу... Помню этот взгляд,
Слегка опущенные веки,
Весь образ, - я был зряч тогда, -
Ну - точно в сердце навсегда
Отпечатлелся, уж навеки...
Два факела по сторонам,
И Он в венце из терний Сам... -
Ослеп потом, и потускнело
Всё в памяти... Он как живой
Один остался...

(Останавливается, прислушиваясь к голосу Иова.)

Иов

Не льститесь благами земными!
Вот ты сокровищ приобрел
И спрятал - сердцем будешь с ними
Везде, куда бы ни ушел!
Сбирай сокровища для вечной
Лишь жизни...

Слепой старик

А! Иов тут!.. Пойдем к нему!
Ох, дивный муж!

Присоединяются к группе Иова.

*Из галереи справа выходит Лида, ведя под руку пожилую женщину Мениппу,
сажает ее на скамье.*

Лида

Приотдохни, садись сюда!
Ты так устала, ослабела...

*С лестницы спускается несколько человек детей; с ними женщина. Лида
подходит к ним, оправляет их, ласкает.*

Мениппа
(одна)

Всё видела, всё осмотрела, -
И в Риме нет... Всё нет!.. Куда
Еще теперь? Куда? В какие
Еще края?.. И хоть бы след!
(К Лиде, к ней подходящей.)
Как хорошо у вас!.. Такие
Все добрые... Ко всем привет!
Пещеры... своды... лица эти -
Всё мирно, тихо... Я б у вас
Осталась...

Лида

Что же? В добрый час...
(Указывая на детей.)
А эти дети - «Божьи дети»
Мы их зовем - на площадях
Подобраны, на пустырях...
Кто бросил? Чьи? Никто не знает:
Вот «Божьи» и зовем мы их!

Мениппа
(содрогнувшись, сильно)

Злодеи! Зверь детей своих,
И дикий зверь не покидает!

С лестницы несут на носилках раненого.

Лида
(к несущим)

Ко мне?

Носильщик

Уж перевязан. Раны
Не глубоки. Был принесен
Без чувств.

Мениппа

(бросается к раненому, смотрит и возвращается грустная. Детей между тем уводят)

Всё нет! Не он, не он!

(Возвращается на свое место.)

А так же, может, бездыханный
Подобран был... и был спасен...

(К Лиде.)

Нет, я не в силах... Нет, таиться

Я не могу - душа моя

Должна перед тобой открыться:

Я вас обманывала!.. Я -

Не христианка... Из Милета

Я родом. Век жила я там -

И вот теперь шестое лето

Скитаюсь по чужим землям...

Я сына всё ищу!.. Когда-то

Мы жили пышно и богато...

Но вдруг война... Свои враги...

Муж умер... Началась расплата -

И сын взят в рабство за долги!

Он был учен, играл на лире.

Слагать гекзаметры умел...

Раз господин ему велел

В честь Афродиты петь на пире.

Он отказался! Отчего -

Досель не знаю! Говорили,

Что христиане соблазнили...

Все поднялись на него,

Вмешалась чернь - такие нравы

У нас уж! Крики, брань и стон!

Бегу я, вижу след кровавый,

Его разорванный хитон,

А он исчез!.. Одни вопили -

Убит и в море труп стащили,

Другие - кем-то унесен.

Что ж? жив иль нет?.. Я больше году

Томлюсь! Покоя ни на миг...

Иду раз в гавани. Народу

Толпа! Грузят товары. Крик!

Вдруг предо мной остановился

Матрос. «Он жив», - шепнул и скрылся.

Жив!.. Где ж искать его? Пошла

Я наудачу, где землю,

Где морем, к Риму прибрела

И тут... тут встретилась с тобою,

У вас смотрела... Что ж теперь?

Лида

Несчастный!.. Но надейся, верь:

Есть Бог!

Мениппа
(не слушая, сама с собою)

Шесть лет передо мною
В глазах - разорванный хитон,
И площадь, лужа крови или
Залив и корабли - и он,
В даль уходящий!.. И манили
Опять надежды, и я шла...
О, да! скажу, что полила
Слезами долгий путь...

Лида

Ты с нами
Останься: может быть, найдем.
Скажи, как звать его. Потом
Расскажем старшим... Ах, путями,
Поверь, неведомыми нам
Ведет нас Бог, и встретишь там,
Где и не чаешь... А слезами
Политый путь он видит... Сам
Христос прошел его...

Мениппа

Ты добрая душа...
(Вдруг от нее отпрянув.)
А если... умер?

Лида

Умер... Боже!..
Ей, откровенья чуждой, что же
Скажу я?.. Что мои слова!
(Увидав вошедшую пред тем и остановившуюся пред одною в стене гробницей
Камиллу, молодую женщину с двумя детьми, мальчиком 8-10 лет и другим 4-х,
указывает на нее.)

Смотри, вот мать с детьми, вдова.
В гробнице этой прах хранится
Отца их... Видишь, подняла
Ребенка к камню приложиться -
Гляди, как смотрит, как светла
Улыбка!.. К старшему нагнулась...
Тсс... слушай... говорит...

Камилла
(сыну)

Так помни ж, в этой нише прах,

Прах вашего отца. Он львами
Разорван был, и в небесах
Теперь душа его и нами
Любуется, когда творим
Мы доброе и Бога чтим,
А нет, то плачет... Может статься,
У вас и маму Бог возьмет.
С ним вместе с голубых высот
Мы вами будем любоваться...
Смотри же, помни этот ход,
А подле крест и надпись...
(Припадает к камню головой на руки и шепчет.)
Милый!

Мальчик
(*читает надпись*)

Ж, д, у - жду - вас.

Камилла
(*быстро вставая и отирая слезу и обращаясь к гробнице*)

О, прости!
Невольно изменяют силы!..
(*Становится с детьми на колени.*)
Моли, чтоб нам к тебе пройти
Чрез все земные испытанья,
И суеты, и тяготы
Таковыми ж чистыми, как ты!
Чтоб там, где нет ни воздыханья,
Ни слез, ни скорби, ни стенанья,
Ты нас бы принял, веселясь
И духом радуясь о нас...

Мениппа
(*Лиде*)

Они с ним говорят?..

Лида

Он в небе!
Он видит их, их слышит... С ней
Свести тебя?

Мениппа
(*радостно, тихо, с любопытством*)

О да!

Лида

Камилла!

Вот мать несчастная - тебе
Довольно, чтоб принять участие...

Камилла

(подавая руку Мениппе)

Да кто же счастлив здесь?.. Мне счастье
Вот - дети. Я живу лишь в них...
А что до счастья других -
То вот нам Лида провиденьем
Ко всем несчастным послана
Как добрый ангел с утешеньем...

Лида

(с испугом и удивлением)

Камилла, что ты, что!

Камилла

Она,
Где только слышит - есть страданье,
Она уж там, чужой ли, свой...

Лида

(быстро, с упреком)

Камилла!..

Камилла

Всё существованье
Ее для ближних!.. Боже мой!
А дети, сирые, больные...

Лида

(Мениппе порывисто)

Не верь!

Камилла

В заботах день-деньской,
Как неусыпная Мария...

Лида отходит в сторону, в лице следы внутренней тревоги.

Когда б ты видела ее
Средь заключенных, средь страдальцев,

В тюрьме, где сотни у нее
Хотят одежд коснуться, пальцев,
Услышать слово...

Лида припадает к скамье, закрыв лицо руками.

Всё кругом
Благодарит, благословляет...

Слышны рыдания Лиды.

Но, Боже мой!.. Она рыдает...
(*К ней с тревогой и заботой.*)
Что, что с тобой?

Лида

Оставь!

Мениппа
(*тихо Камилле*)

Уйдем!

Камилла

Да что с тобой?

Лида
(*с большим нетерпением*)

Уйди!

Камилла

Не знаю...
Что ж я...

Лида
(*почти в отчаянии*)

Уйди же... умоляю...

Мениппа
(*Камилле тихо*)

Знать, тоже горе...

Камилла

Своего
У Лиды горя не бывает!

Мениппа

Свое, чужое ли - кто знает!
Одна пусть выплачет его!

Уходят.

Лида

(одна, сев на скамью)

Я - как вчера еще была -
Той, что теперь, - и суд и кара!
Оставил дух!.. Что я могла
Сказать ей?.. Вдруг не стало дара
Ни слез, ни слов, душа нема, -
Что в ней горело, погасает...
Вошла и всё растет в ней тьма!
Два слова: «Деций умирает» -
Одни звучат в ней...

Деций...

Из прошлого лишь он один
Мне виден... Он лишь не разгадан...
Один стоит, как властелин,
Над этой тьмой...
Но что ж влечет меня к нему?
Тот мир уж обречен во тьму!
Тому ж, кто выше всех главою,
И первой молнии удар
Господня гнева...

Что же

Меня влечет к нему?.. Любовь?
Любовь, но та уж, для которой
В мученьях источить всю кровь,
Пройти моря, подвигнуть горы
Возможно - всё, чтобы спасти!
Бог указывает ей пути,
И, может быть, чтоб сделать чудо,
Меня избрал - и мне велит -
И дух пошлет - и совершит, -
И дело здесь не до сосуда,
Куда он влил воды живой
Для путника в палящий зной...

(Падает на колени.)

Ты, сердцеведец, презираешь
С твоих высот и в глубь морей,
И в глубь сердец! В моем, ты знаешь,
Нет места для земных страстей!
Даруй мне, сильный, да разрушу
Его гордыню! Да спасу

И в дар тебе да принесу
Его смирившуюся душу...
(*Встает спокойнее, но судорожно-отрывочно продолжает.*)
Но время нечего терять:
Сегодня ж этот пир безбожный!..
Там быть и ждать. И написать
Марцеллу, «старый друг, надежный» -
Всегда звал Деций... А пойдет
Марцелл? Спасти - пойдет, пойдет!..

Вынимает таблетку и пишет. В это время слышны слова Иова.

Иов

Иисус сказал ему в ответ: «Сказано в писании:
«Не искушай Господа Бога твоего»».

Молодой человек
(*поспешно сошедший с лестницы, подает Лиде таблетку*)

Вот от Марцелла.

Лида
(*берет ее и вручает свою*)

А в обмен
Отдай Марцеллу.

Между тем зала все наполнялась христианами. Одни присоединяются к слушателям Иова, другие группируются в разных местах залы, между ними и Главк. Другие садятся на скамьи у стен. Между прочими Павзаний.

(*Прочтя письмо, обращается к присутствующим.*)

Марцелл нам пишет - просит вас:
«В вину мне братья да не ставят,
Что медлю; жду и тот же. час
Прибуду, только лишь объявят
Декрет, касающийся нас...»
(*Уходит вверх по лестнице.*)

Один
(*в группе молодых людей*)

И всё еще не решено...

Другой

И вдруг отменится решение...

Главк
(*спокойно*)

На всё Господня воля!
(Вдруг одушевляясь.)

Но

За что нас гонят? Озлобленье
На что - постичь я не могу!
И чем Христос, - Он, отдающий
Динарий кесарю, врагу
Прощающий, свой крест несущий
Покорно, учащий любить,
Любить бесстрашно и безлестно,
И в мире совершенну быть,
Как совершен Отец небесный, -
Чем ненавистен им?

(Помолчав.)

И всё ж

К нему придут! И зло, и ложь
Падут. Богатый и убогий,
Простой и мудрый - все придут!
Со всех концов земных дороги
Всех ко Христу их приведут...
Людское горе и страданья,
Все духа жажды и терзанья,
Источники горючих слез, -
Все примет в сердце их Христос,
Все канут в это море!..

*Близ группы этих молодых людей сидит на скамье, с мрачным видом, Павзаний.
На последние слова он отвечает.*

Павзаний

(мрачно и с возрастающим отчаянием)

Братья!

Блажен, кто сам пришел к Христу,
Соблюв красу и чистоту,
Как дева к жениху в объятья;
К кому же низошел Он сам
Его извлечь среди крушенья
Из волн кипящих, - о! спасенье
Тебе быть может тяжелей,
Чем смерть в волнах... В душе твоей
Все язвы прежние огнями
Горят... И слышишь над собой:
«Кто понесет Мой крест, тот Мой», -
Но помнишь: чистыми руками
Он нес свой крест... А у тебя
Они в крови, и над тобою
Гремит проклятье...

Опускает голову на грудь. Молодые люди хранят благоговейное молчание,

смотря на Павзания с участием и недоумением. Среди минутного молчания слышен голос Иова.

Иов

Поистине скажу вам: плачь,
Кому Он скажет в осуждение.
Что ни студен ты, ни горяч...
Любовь - огонь, а сердце золото;
Лишь чрез огонь пройдя, оно
Светло и чисто...

Тем временем входят Эвмен и Аркадий и останавливаются близ Павзания, мрачно сидящего, склонив голову.

Эвмен

(продолжая разговор)

Я часто думал о тебе.
Знал, ты несчастлив, - мать крестила
Меня, когда еще мне было
Двенадцать лет, - в твоей судьбе;
Я думал, мир и утешенье
У нас, в Христовом лишь ученье, -
И вижу - ты идешь сюда!
Аркадий! расскажи ж, когда,
Как было это обращенье?

Аркадий

Как на вопрос твой дать ответ?
Ведь человек, родясь на свет,
Не знает, что был до рожденья!
Был слеп я и стал видеть; глух -
И слышать. Знал одно лишь тело,
И ощутил бессмертный дух,
Живую душу. Просветлело
Всё предо мной, и я в других
Прозрел такую ж душу. Все же,
Хоть разны жребии у них,
Перед отцом небесным те же
Возлюбленные дети...

(Помолчав.)

Тьма

Та назади. И что в ней? Скроет
Пускай навек, мертва, нема!..

(Вздыхнув.)

Да! сердце иногда занает,
Но вспомнишь...

(Обрывает речь, вдруг увидав Павзания, отступает назад и смотрит с ужасом.)

Боже мой!.. Он! он!

(Хватаясь за грудь.)

Как бьется сердце... Он!.. И тоже
К Христу пришел... Чего ж, чего же
Стою и медлю?... Чем смущен?
(Пересилив себя, делает несколько шагов к Павзанию.)
Павзаний! ты?

Павзаний
(содрогнувшись)

Аркадий! Боже!
(Смотрит на Аркадия и, не смея взять протянутую к нему руку, медленно опускается перед ним на колени. Молодые люди от них незаметно отступают.)
Твой погубитель... твой злодей...

Аркадий
(стараясь его поднять)

Забудем всё, что совершилось
Там, там, во тьме!

Павзаний
(обнимая его колени)

Ох, истомилась
Душа моя...

Аркадий

Да будет в ней
Покой и мир!

Павзаний
(страстно)

Шли вереницей
Года, а я живу всё в том -
Когда как друг вошел в твой дом -
И выбежал потом убийцей!

Аркадий

Оставь!

Павзаний

Дай говорить мне, дай!
(Шепотом.)
Евфимия...

Аркадий
(с болью)

Не вспоминай!

Павзаний
(судорожным шепотом)

Святая тень!.. Она молила!..

Аркадий

Молчи!

Павзаний
(с силой)

Последним словом было:
«Будь проклят!»

Аркадий
(живо)

Нет! как я, - простила!

Павзаний

Как ты?.. И ты... простил?.. Простил...
И смотришь на меня - и плачешь...

Аркадий

От радости: я победил
Себя, себя, Павзаний!
(Обнимает его и уводит в глубину сцены.)

Сцена между тем все наполняется. Приходят Мениппа и Камилла. Последние к авансцене.

Камилла

Муж мне говаривал не раз:
Не мы детей, нас дети учат
И довоспитывают нас!
При них не сделает, не скажет
Отец, не поглядев вперед:
Ведь сеешь семя! То взойдет,
Что в сердце с детских лет заляжет!
Ах, милая! с детьми воочью
Увидишь Бога!.. Разболится -
Ты что тогда?.. Горит, томится,
Всю душу надорвет твою,
И нет тебе ни дня, ни ночи!
Ты чувства все окаменяшь,
Дохнет ли, двинется ль - следишь,

Вся в нем! И наконец нет мочи!
Сил что осталось соберешь
И выльешь все в одно их слово:
«Спаси, спаси!» - и упадешь
Пред Тем, кто может всё...

Мениппа

Ужасно!

Ох, знаю, знаю! Поняла!
И всё теперь мне стало ясно!..
Уж ты-то очень мне мила!
И скажешь-то так всё понятно,
И речь-то тихая твоя...
Ах, ты мой ландыш ароматный,
Фиалка нежная моя!
(Обнимает ее.)
Ведь я давно о вашем Боге
Уж помышляю! Всем богам,
Где только вижу по дороге,
Всегда снесу к их алтарям
Я хоть цветок. Да раз попала
Вот так и в христианский храм,
В горе, в Фессалии. Сначала
Мне стало страшно: свечи, мрак;
Жрец говорит в толпе молящих.
Вдруг он сказал, да ясно так,
Слова: «Наш Бог - Бог всех скорбящих!»
И точно в сердце у меня
Что дрогнуло. Упала я,
И стала этого я Бога
Молить, да плакать лишь могла.
Вдруг слышу: «В Рим твоя дорога,
Там всё найдешь». Я подняла
Глаза: как раз передо мною
Какой-то старец был, но тут
Исчез. Все, вижу, вон идут, -
Я к выходу; перед собою
Всех пропустила - старца нет!
Я в путь, чуть занялся лишь свет,
И на корабль, и в Рим, и всюду
Как будто надо мной звучит:
«Бог всех скорбящих возвратит
Его...» И жду... И точно к чуду
Готовлюсь... А уж как теперь,
Не знаю...

Лида

(поспешно сойдя с лестницы)

Марцелл идет... декрет объявлен!

Общее движение.

Иов

(сойдя со своего места и выступая несколько вперед, как бы в центре полукруга всех присутствующих)

Се день, блаженнейший из дней!
Мы, церковь видимая, вступим
Уж в сонм невидимой и с ней
Сольемся в общем восклицанье:
«Господь наш Бог благословен!»

Слепой старик

Господь наш Бог благословен -
Да всякое гласит дыханье!

Все

(наклоняясь головами к Иову)

Господь наш Бог благословен!

После минутного благоговейного молчания, во время которого около Иова смыкается кружок, между прочими начинаются полушепотом частные разговоры.

Дидима

(раздает свечи, нараспев повторяя)

Готовьте светильники,
Близок жених!

Мениппа в волненьи рассматривает проходящих и присутствующих; Камилла близ нее, около гробницы мужа, прижав к себе детей, взор на небо.

Эвмен

(увидав между женщин Агнессу, свою невесту)

Агнесса!.. в брачном одеянии!..

Агнесса

Да нынче брак ведь наш, Эвмен,
На небесах... И я невеста...

Эвмен

(восторженно)

Агнесса! ты меня спасла!..

Павзаний
(схватив за руку Аркадия с порывом)

Теперь душа уж не страшится
Встать перед ним лицом к лицу!

Главк
(к молодым людям, восторженно)

Знать, что чрез миг душа помчится
Чрез океан лучей к отцу!..
И что же смерть христианину, -
В глазах у всех стоит Христос!
Скорбеть о том ли, что покину
Обитель горечи и слез?
Что преступлю через мгновенье,
Здесь кесарю отдавши дань,
К Отцу всего, в Его селенья
Уже достигнутую грань?
Душа, им полная, ведь знает,
Что оболочка сих телес
Ее едва лишь отделяет,
Как легкий завес, от небес!
Вдруг этот завес упадает...

Мениппа
(всматривается в него, бросается к нему с криком)

Главк, сын мой! Главк!..

Главк

Мать! Ты жива!..

Кидаются друг другу в объятия.

Мениппа
(не выпуская его из объятий)

Вот он, мой вдохновенный...
Мой выстраданный, вот он!..
(Ища взорами Камиллу.)
Камилла!.. вот он...
(Берет ее за руку и вдруг остановись.)
Но как ты здесь?.. Христианин?

Главк

А ты?..

Мениппа
(вдруг вспомнив)

Бог всех скорбящих...
(Опускается на колени.)

Несколько человек поспешно сходят с лестницы, тихо сообщая направо и налево: «Марцелл, Марцелл», все передают друг другу это имя. Все становятся полукругом, оставляя место Марцеллу. Он показывается на лестнице, наверху.

Марцелл
(спускается с лестницы и со второй или третьей ступени)

Господне будь благословенье
И мир вам, братия!..

Все тихо: «Аминь».

Зовет

Нас ныне Бог на прославление
Его любви, Его щедрот
И на свидетельство пред миром,
Что Он есть дух, и Он один
Земли и неба властелин,
Что честь Ему, а не кумирам,
Кумир же, чей бы ни был он,
Рукою смертной сотворен.

Идем пред кесаря. Поставлен
От Бога он царем племен.
Во всем, чем может быть прославлен
Он на земле и вознесен -
Победой над неправдой, славой
В защите сирых, торжеством
Хотя б меча и мзды кровавой
Над буйной силой, над врагом
Ему поверенного царства, -
Служить ему нам Бог судил
Всем сердцем, до последних сил,
Без лжи, без всякого коварства.
Всё, что у нас земное есть, -
Вся наша кровь, всё достоянье
И всё умение и знание, -
Готовы каждый миг принести
Мы с духом радостным к подножью
Его престола. Но чтоб быть
Ему слугой, чтобы не ложью
Был наш обет, должны хранить
Мы душу чисту, только к Божью
Суду внимательну во всем.
Что Божье, что стоит вовеки
И в чем должны все человеки -

И кесарь сам - пред тем судом
Отдать отчет.

Повелевает

Нам кесарь: Бога в нем признать,
Его ж кумиру честь воздать,
Как Божеству лишь подобает;
Ослушным смерть. Пусть ваш совет
Решит, что делать. Наше тело -
Есть кесаря. Наш дух - всецело
Господень.

Один из старцев

Двух решений нет
Идти! Но как не налагает
Христос ярма на душу - ей
Дан разум, воля, - то решает
По правде внутренней своей
(Обращаясь к собранию.)
Пусть каждый сам.

Общее благоговейное движение.

Голоса

(тихие, как бы каждый сам с собой; взор на небо)

- Идти, идти

К Отцу небесному!.. - В селенья
Его святых! - Из заточенья,
Из тьмы на свет!.. - Идти, идти!

Слепой старик

Его узреть во славе!..

Павзаний

Сложить с души все тяготы
У ног его!..

Главк

...Исчезнуть в созерцаньи
Неизрекомой красоты...

Пауза. Взоры обращены на Марцелла.

Марцелл

Итак, грядущая заря
Для нас последней будет в мире -

И первой там!..

Иов
(из глубины сердца)

О Ты, седяй в эфире,
Во свете вечном, со Отцом,
Прославленный и вознесенный -
Лишь по любви неизреченной
Тобою поднятым крестом!
Ты пастырь, нас в едину паству
Овцу сбиравший за овцой!
Ты их вспоил живой водой
И тучную им подал яству, -
Когда бы где б ни прозвучал
Твой рог призывный - где преграды,
Где те загоны, те ограды,
Где та стена, тот ров, тот вал,
Который их бы удержал
На зов твой ринуться мгновенно, -
Свет бо светяй нам с небеси,
Свет истинный, свет неистленный,
Жизнь и спасенье Ты еси!

Слепой старик

Слава Тебе, победившему мир!

Все с зажженными свечами становятся на колени. При спускающемся занавесе слышно пение заутрени.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Пиршественная зала на террасе Дециева дворца, выходящей в сад аркой. Ночь. Зала освещена канделябрами и висячими светильниками. Три длинные стола с ложами. Гости одни возлежат, другие прогуливаются по зале и опять садятся на свои места; вообще свободно группируются, согласно требованиям минуты. За одним столом Деций. Рабы приносят и уносят кушанья. Хор певиц, флейты и лиры. Танцовщицы.

Хор

Ловите, ловите
Часы наслажденья!
Спешите, спешите
Пожить хоть мгновенье!
Как мошки на солнце
В эфире роями
Кружатся и блещут,
Мы, оры, блистаем
Мгновение в мире, -
Ловите, ловите,

Не то улетим.

Танцовщицы удаляются.

Клавдий

(молодой патриций вслед танцовщицам, мимо его проскользнувшим)

Еще поймаем!.. Но пока
«Тем насладись, что под руками», -
Нас учит мудрость. А пред нами
(Указывая на яства.)
Рог изобилья и река
Забвенья - всё естествознание!
Я шел сюда на обонянье.
Одни уж запахи кричат
Тебе за милую: «Здесь, прохожий!»

Лелий

(другой молодой патриций)

Жаль, как ни лезь себе из кожи -
Всё съешь за одного!

Клавдий

Ну, да!

Два пальца в рот, и вся беда!
А вот что будет, как ворвется
Сюда весь женский Рим! Начнется
Вот тут-то оргия!..

(Декламирует.)

«Опротивеют уж яства...
Не изменит лишь вино!
Хлоя под руку иль Дафна -
Всё равно!

Флейты! трубы! Шум и грохот.
Песни, пляски! Всё вверх дном!
В голове хаос и в чувствах,
И хаос - кругом!»

Лелий

Да, Деций молодец! И жаль,
Что только раз он умирает!

Клавдий

А мой старик, моя печаль
И сокрушенья, процветает!
В один обед съедает три
И с астрологом до зари

Всё гороскопы составляет!..
Боишься смерти! Я ж ему
Твержу, что смерть его боится.
У варваров не засидится
Небось старик: они отцов
Торжественно, в виду богов,
При всем народе убивают!
И это старики считают
Себе за честь!

Лелий

Здесь старики
Законы пишут, там же, видно,
Не старики!..

Хохочут.

Галлус

(адвокат, прохаживавшийся с другим адвокатом, Гиппархом, остановись близ великого жреца и указывая рукою на всё собрание, заключает частный свой разговор самодовольною речью)

Вы посмотрите, сколько нас:
Я галл, вон свев, ты фессалиец,
Он из Египта, тот сириец, -
А что же общего у нас
С Египтом, с Галлией, странами,
Где и выросли б мы дикарями,
Когда б не Рим!.. В одно нас слил
Его язык, закон, свобода!
Мир он в жилище обратил
Для человеческого рода.
На общий мы сошлись пир,
И хоть мы все разноплеменны.
Но все, как граждане вселенной,
Чтим за отечество весь мир!

Гиппарх

(эффектно-адвокатским тоном)

Единство в мире водворилось.
Центр - кесарь. От него прошли
Лучи во все концы земли,
И, где прошли, там появилась
Торговля, тога, цирк и суд,
И вековечные бегут
В пустынях римские дороги!

Великий жрец Энний

(старик, оборачиваясь к ним, внушительно, громко, чтобы все слышали. Молодые патрици, Клавдий, Лелий, и другие мало-помалу подходят к кружку)

Всё хорошо на первый взгляд,
Да вот беда: уходят боги!
Везде оракулы молчат!
Вот в Дельфах: пифию насильно
Ввели в святилище, молчит,
Бледнеет, льется пот обильно.
Все ждут, и вдруг она бежит
С ужасным криком из пещеры
И, как упала, умерла!
В богов умалилося веры,
И боги покидают нас
На произвол судьбы!..

Адвокаты улыбаются.

Галлус
(насмешливо)

Иные
Уж умерли!..

Великий жрец

И день, и час
В анналы вписан городские:
При Августе, перед концом,
Корабль шел. Заштило море
Перед каким-то островком.
Все ветра ждали. Вдруг в просторе
Небес и моря, с островка,
Раздался голос, при котором
Всё потряслось - и облака,
И вод поверхность; точно хором
Сто тысяч медных труб зараз
Провозгласили в мир: «Скончался
Великий Пан...» И повторялся
Три раза голос... Весь рассказ
Я слышал сам от морехода:
Его Тиверий призывал,
И я ж дословно записал
В анналы римского народа!

Галлус

Не боги покидают мир,
А суеверья...

Клавдий
(своим товарищам)

Люблю, чуть разгорелся пир -

И спорят!..
(Увидав рабов, приносящих жареных фазанов.)
Впрочем, прилетают
Фазаны, и молчат враги!..

Возвращаются на свои места.

Лелий

А факты иногда бывают,
Что с толку вас совсем сбивают.

Клавдий
(не давая ему досказать)

Еще бы! Например, долги!

Лелий
(продолжая)

У нас на прошлой же неделе
Был случай...

Клавдий
(вскакивая и со смехом указывая на Лелия)

Жертвы приносил
На той неделе ты, и скрыл!
Скрыл, признавайся?

Молодые патриции
(смеясь)

В самом деле?

Клавдий

Козленка, говорят.

Лелий
(сконфуженный, перебивая его)

Да мать
Послала!.. Вот что рассказать
Я вам хотел. Как вам известно,
У нас в саду есть грот. Чудесный
Там для пиров устроен зал,
И я намедни угощал
Там кой-кого...

Клавдий

А! Дионею.
А завтра я пирую с нею!
(Декламирует.)

Лелий
(не обращая внимания на Клавдия)

Вдруг мы сидим и слышим стон...
Откуда ж?.. И всё ближе, ближе -
Из-под земли!..

Клавдий
(декламирует)

«Прозерпину бьет Плутон,
Стонет Прозерпина!..»

Молодые патриции

Ах, этот Клавдий! Нынче он
Невыносим! Да замолчи же!
Теперь везде, со всех сторон
Все говорят: то стон, то пеньё
Послышится, то привиденье
Появится...

Лелий
(серьезно)

Ведь в старину,
Известно, мертвых хоронили
В подземных склепах, и прорыли
От склепа к склепу ходы...

Клавдий
(таинственно)

Ну,
Так это значит...

Все

Что такое?

(помолчав, с притворно-серьезным видом)

Клавдий

Гм!.. Предки наши...

Лелий

Ты в смешное
Всё обратишь.

Клавдий

Я не смеюсь!
И не люблю, чтобы шутили
Над предками, - сам их боюсь:
Такие ж аспиды все были,
Как этот Фабий, - вон скелет!
Вон череп голый! Вон тарашит
Глаза на канделябры!.. Стащит
Он что-нибудь здесь, людоед!
Вздыхает всё по древнем праве,
По силе коего меня
Он мог бы в рабство взять...

*За другим столом Фабий, из древнейшей римской фамилии, своему соседу,
квестору Теренцию.*

Фабий

Пойми, я Фабий - и в сенате
Мне места нет!.. Кто ж там сидит?
Иберец, грек, сириец, бритт!
И что же стал сенат? В разврате
Все чувства их притуплены;
В особых заседаниях судят,
Что значат кесаревы сны!
Ну что в них слово «Рим» пробудит?
Им лишь погреться б от казны!
Ты посмотри-ка, в легионах
Кто полководцы? Всё из нас.
А при дворе?.. Они! В поклонах
И лести мастера уж! Да-с!
За то и откуп, и претура -
Всё их!.. Потом адвокатура:
За деньги за твои тебя ж
Так оберут, что ты отдашь
Последнее, лишь бы отстали...

*За главным столом: Деций, по сторонам его философ Харидем и старый
проконсул Публий, беззубый, лысый и шепеляет. Далее, средних лет, мрачного
вида, сенатор Аспиций и завитой, пышно одетый молодой патриций Корнелий.*

Публий

Ах, Лезбия!.. нас принимала
За туалетом!.. Что за грудь!
Ну если б даже и скрывала,

То видно - дочь царей!.. Дохнуть
Не смели... трое нас... сидели...
Всё старички... потеха... да!
Сидим.

Деций

Картина в самом деле
Преинтересная!

Публий

Беда!
Она, конечно, нас дурачит:
То ножку вдруг поцеловать
Протянет и тотчас опять,
Как только бросимся мы, спрячет...

Все слушают с улыбающимися лицами.

Сенатор Аспиций
(довольно едко)

А дорого за посмотренье?

Публий
(так же простодушно)

Да что! уж думаю просить
Провинцию на поправленье!
Она ж поможет!..

Деций
(Харидему)

Была иная между нас...
Ты помнишь оду Сафо:

«Перед жрицей Аполлона
Не гордись, не кичись
Красотой чела и лона,
Шелком кос и блеском риз.

Ты умрешь, и всё в мгновенье
С красотой твоей умрет!
На земле твой след забвенье,
Словно вихорь, заметет!

В адских пропастях бездонных
Пропадешь средь темноты,
В сонме душ, не просветленных
Вдохновеньем, как и ты!»

Вот это б Лезбии сказать
Могла - ты угадал кто? - Лида!

Харидем

О, Лида, то другая статья!
Но где она? Совсем из вида
Пропала!

Деций

Да!.. Она всегда,
Как бесприютная звезда,
Весь век металась средь хаоса!
Не раз с Левкадского утеса
Хотела броситься; потом,
Глядишь, - с Изидиньш жрецом
Умерших тени вызывает;
Потом опять, глядишь, блистает
В Афинах, в Риме...

Харидем

Знаешь ты
Экспромт, ей сказанный в Афинах
Однажды на пиру?

«С зеленеющих полей
В область бледную теней
Залетела раз Психея,
На отживших вдруг повея
Жизнью, счастьем и теплом.
Тени вокруг нее толпятся, -
Одного они боятся:
Чтобы солнце к ним лучом
В вечный сумрак не запало,
Чтоб она не увидала
И от них бы в тот же час
В светлый луч не унеслась».

Деций

Психея!.. Это к ней идет...

*Входит Циник с дубиной в руках, на плечах, сверх лохмотий, мех, как у
Геркулеса; останавливается впереди залы и, указывая на Деция пальцем,
говорит:*

Циник

Э, да ты вот как!

Разные голоса

Ну, пропал
Веселый пир! Ведь затесался!

Циник

Приятель! умирать собрался
И не подумал, не позвал
Меня взглянуть на представленье!
Ишь вокруг тебя какой букет!
Сенаторы, мое почтение!
Философы, вам мой привет!
(Насмешливо кланяется на обе стороны.)
Всё ж без меня букет не полон:
В середине главной розы нет!
Ведь мудрости венец и цвет
Во мне!.. За то я вам и солон!
Уж дальше моего нейдет
Ум человеческий! Помалу
Свой цикл свершил, пришел к началу -
И больше некуда вперед!

Деций

Прошу, садися!

Циник

(присаживаясь на ложе завитого, пышно одетого щеголя Корнелия)

Друг любезный,
Откинь-ка ноги! Мне присесть
Ведь как-нибудь, лишь бы поесть.

Корнелий

Садись, не спорю!

Циник

Бесполезно!
Так сяду!

Деций
(к рабам)

Ложе, эй!

Фабий

Свинья!

Циник

(поместившись на ложе Корнелия, берет цельного фазана и ест, разрывая руками)

Нерону я сказал, что двое
Людей на свете: он да я.
Всё прочее - так, тля, пустое!
Мы что хотим, то и берем
И ничего не признаем?
Он тотчас понял, что свобода
Вся в этом! Прочее всё ложь!

(К Харидему.)

Ну, что ты морщишься? Всё-ложь!
Будь счастлив тем, что даст природа!
Родился гол и гол умрешь!
В природе ж, в этой общей чаше,
Нет ярлыков: мое и ваше!
Бери что хочешь, всё твое,
На что глаза лишь разбежались!
А чтобы люди не кусались,
Кусайся сам!.. Вот вам и всё!..
А то, глядишь, нагромоздили
Понятий, тонкостей, интриг,
Да и невмочь пришлось! Уныли
И ходят, высунув язык!
Нерон поправит вас: устроит
По Диогену! Сам возьмет
Дубину, города сожжет
И всех вас по лесам разгонит!

Деций

(смеясь)

Что ж после будет?

Циник

Ничего

Не будет!.. Главное, не будет
Философов!

Клавдий

(посреди общего смеха)

Долгов не будет -

Еще главнее!..

Провинциальный претор

(сидящий за столом с Фабием, к своему соседу, квестору Терентию)

Скажи, дружок, - я здесь чужой,

Живу в провинции глухой, -
Кто этот господин с дубиной?
И с кесарем он говорил?

Квестор Теренций

С дубиной? Этою скотиной
Не знаю, кто нас подарил!
Раб, что ль, он беглый?.. Нет ведь знака
На роже! Лает как собака
На всех! И как сюда попал,
Так влез и к кесарю: пленился
Им кесарь! Только он сказал,
Что ты да я, и восхитился!
Дубину принести велел,
Всех напугал и озадачил!

Фабий

И нас устраивать уж начал
По Диогену: Рим горел
Неспроста!

Квестор Теренций

Только он, по счастью,
Охотник строить: этой страстью
И отвлекли. А этот скот
С тех пор и тешится, и кстати,
Некстати нас ругает, пьет
И жрет...

Фабий

Уж будет он в сенате,
Как эта бестыя, например,
Миртилл...

Вдруг умолкает при виде входящего евнуха Миртилла, в блестящей одежде, с лавровым венком на голове. Публий и Харидем предлагают ему свои места. Он принимает место Публия, который садится ниже. Цинику тоже подано ложе, но он то приляжет, то начнет обходить столы и чрез головы гостей берет кушанья.

Харидем
(Миртиллу)

Здоровье кесаря?

Миртилл

Богам

Благодаренье - солнце светит!

Провинциальный претор
(квестору Терентию)

...А это кто же?

Квестор Теренций

Тс! тише! если только кожей
Ты дорожишь!.. Евнух Миртилл,
Певец и мим. Да вот в чем сила:
В ногах у кесаря лежит
Весь мир, а кесарь сам сидит
У ног вот этого Миртилла!

Провинциальный претор

Так вот оно!..

Квестор

Да, да, оно!
Так, *genus neutrum*¹...

Миртилл

Сегодня кесарю представлен
Проект дворца. Позолочен
Весь корпус, на горе поставлен,
И целый лес кругом колонн.
Всё белый мрамор, загляденье!
Внутри ж что шаг, то изумленье!
Хотя бы пиршественный зал:
Он сверху будет окропляться
Духами. Стены из зеркал;
Плафон же будет раздвигаться,
И вдруг средь пира с высоты
На вас посыплются цветы.

Разные голоса

Как это мило; вдруг цветы!

Циник

А если б вдруг весь зал с гостями
Насыпать доверху цветами?
Ароматический конец!
Шепни-ка кесарю, певец!

¹ Средний род (лат.).

Фабий
(*тихо квестору*)

А надоумит ведь, подлец!

Миртилл
(*смеясь*)

Забавное соображение!..
Ах, этот милый кесарь! Он
Три дня в великом восхищенье:
Из Дельф намедни привезен
Был этот дивный Аполлон,
И кесарь перед ним проводит
Всё время!.. Даже ночью встал
И факелами освещал!..

Великий жрец Энний
(*тихо адвокатам*)

Как я сказал, так и выходит:
Вон пифия-то умерла!
Из храма взять да в залу оргий
Поставить бога!..

Сенатор Аспиций
(*идет со своего места и, подсаживаясь к Децию, говорит ему тихо*)

Я точно как в глубокой тьме!
Пойми ты кесаря Нерона:
Как совмещает он в уме
И циника и Аполлона?

Деций
(*с улыбкой смотря на него и не отвечая на вопрос, декламирует два стиха*)

«Дельфийский бог! и он познал
Длань сокрушительную Рима!..»
Когда впервые увидел
Его я в Дельфах, волны дыма
От дорогих курений храм,
Как легкий облак, наполняли.
На чудный образ упали
Лучи, и он по облакам
Как будто несся, быстробежный,
И перед ним в дали безбрежной
От светлых стрел его толпой
Титаны тьмы бежали!..

Завитой патриций Корнелий

Это

Эллады гений: по землям
Свершил он странствие и к нам
В суровый Рим луч бросил света,
И сделал нас людьми!

Фабий

(со своего места, громко)

Людьми

Иль нет, а только перестали
Мы римлянами быть!

Корнелий

Узнали

По крайней мере, что зверьми
Дотолле были!

Фабий

Побеждали

Зато врагов! Разврат, пойми,
У нас от греков!..

Корнелий

В старину-то

Лишь полбу ели, да ячмень,
Да сыр!

Фабий

Зато имели Брута,

Кориолана! Ночи в день
Не обращали... Даже гадко
Их слушать!.. Ох, ужасный век!
(К Децию.)

Скажи ты, умный человек,
Кто лучше - римлянин иль грек?

Циник

*(который во время предыдущего разговора лежал,
разостлав свой мех на полу)*

Стой! Разрешу одной загадкой:
Дурак болтун у дурака
Из простяков сидит на шее
И погоняет простяка,
И едут в ров!.. Ну... кто умнее?

Все принужденно смеются. Между великим жрецом и адвокатом громкий спор.

Великий жрец Энний
(кричит)

От философии!

Галлус

Тревоги
Напрасные!

Великий жрец

От новых вер!

Галлус

Отцеубийства и подлоги
От новых вер! Да, например,
Каких же?

Великий жрец

Мало ль? Из Халдеи,
Из Персии, из Иудеи!
Адонис! Митра!.. У рабов
Свой даже Бог - Освободитель
От всякой власти и оков -
Христос, всемирный, вишь, Спаситель!

Публий
(со своего места)

Там тоже спор у них: о чем?..
Ученых споров я любитель!

Галлус

Всё о безбожьи и о том,
Что Бога нового открыли
Себе рабы, зовут Христом.

Публий

А, христиане! да, знаком,
Знаком я с ними!.. Говорили,
Что Рим они сожгли?

Великий жрец

Схватили
Тогда же многих их с огнем!

Сенатор Аспиций

Живут всегда особняком,
Уж тем внушают подозренье:
От всяких должностей бегут,
Ни кесаря не признают,
Ни государства Рима!..

Великий жрец
(вне себя)

Пьют,
Свершая жертвоприношение,
Кровь человеческую!

Сенатор Аспиций

Их
Нельзя терпеть!.. весьма опасно!
Мы терпим много сект дурных,
Но эти...

Деций
(смеясь)

Вот уж страх напрасный!
Ведь это жители небес!

Галлус
(Гиппарху)

От них всю жизнь хоть бы процесс,
Представь!

Гиппарх

Да, да! Но... почему же?

Фабий

Ну-с, эти уж и греков хуже!
Они работают во мгле,
Повсюду что ключи в земле,
И всевозможные химеры
Вбивают в головы рабам...

Миртилл

(вставая с места и жестом успокаивая общее движение)

Позвольте!.. Приняты уж меры!
Предписано: по городам
И здесь чтоб завтра же явились
Все к квесторам и поклонились
Статуе кесаря, его
Признавши тут же божество,
Как признается всей вселенной.
А воспротивятся - пойдут
Одни для травли в цирк, другие
Рубашки взденут смоляные,
Им в глотки факелы воткнут,
К столбам привяжут их, зажгут,
И кесарь в пышной колеснице
Между пылающих их тел
Проедет ночью по столице!

Великий жрец

И боги воздадут сторицей
Ему за это...

Фабий

...Прекрасно! Я б узнать
Желал, чья мысль?

Квестор

Да, без сомненья,
Его, Миртилла! Потешать
Умеет Рим!

Миртилл

А всех их будет
Здесь в Риме тысяч сто!.. В других
Провинциях мильоны...

Разные голоса

...Боги! Пусть же их
Огулом всех на смерть осудят!
Всех с корнем вон!

Харидем

(встает и поднимает чашу)

Благодаренье

Тому, кто бодрствует за нас!

Во здравье кесаря!

Рабы наливают вина в чаши.

Общий клик
(все встают)

Во здравье кесаря!..

Циник
(вскочив с полу)

Он да я!
Всех прочих с корнем вон!..
(Вырывает из рук Фабия чашу и пьет.)

Фабий за его спиной показывает ему кулаки.

Фабий
(обращаясь к молодым патрициям)

Вы напоили бы его,
Чтоб уж совсем он с ног свалился!

Молодые патриции привлекают к себе Циника и поят его.

Миртилл
(ласково Децию)

А ты смеешься и не пьешь,
И наших мер не признаешь
Во благо Риму?

Деций

Мер напрасных!
Жечь не опасных никому
Мечтателей!..

Миртилл

Как, не опасных?
(Указывая на всех.)
А глас народа?

Входит Лезбия в одежде восточных цариц; с нею несколько женщин и толпа рабов-эфиопов.

Клавдий

Метелла, Туллия! вы к нам!

Циник

Эван! Эвое!
Мясо живое!
К нам! к нам!

Женщины присоединяются к молодежи. Лезбия идет прямо к Децию. В то же время с другой стороны Лида и Марцелл являются и помещаются в глубине сцены за Децием, маскируемые рабами.

Лезбия

Герой мой, здравствуй! Очень рада,
Что ты еще не умер. Да!
Стремглав летела я сюда,
И главное затем, что надо
Тебя мне очень побранить!

Деций
(к рабам)

Эй, ложе!

Лезбия

Можем разделить,
Когда позволите, и ваше!
Лежи!

Деций

Раб вечной красоты,
Жду приказаний.

Лезбия
(садясь на его ложе, в ногах его)

Прежде ты
Скажи, какой не трогать чаши?

Деций

А вот - от деда.

Лезбия

Много лет
Живет на свете! Золотая...
С волчицей крышка... небольшая...
А яд - стряпня Локусты?

Деций

Нет,
С востока тоже вывез дед,
Одна парфянка подарила.

Лезбия

Ну, им не соблазнишь меня!
Я жить хочу!..
(Громко, чтоб все слышали.)
К вам прямо я
От кесаря!

Общее движение. Публий, вставший и поднявший чашу, чтобы приветствовать Лезбию, поспешно садится на свое место.

Фабий

(тихо квестору Терентию)

Смотри, Миртилла
Как будто жаба укусила...
Она же смотрит на него,
Как на Пифона Феб...

Лезбия

Имела
Я счастье в первый раз его
Услышать пенье... Ничего
Подобного не знаю! Млела
И плакала я даже!.. Да!
А говорят, я никогда
Не плачу!.. Как он держит лиру!
Как смотрит в небо - Аполлон!..
Да, римляне! вы храбры! Миру
Вы предписали свой закон,
Но я скажу, что пред искусством
Вы - варвары! Не стоит Рим
Таких художников! С твоим -
Уж извини - изящным чувством
Ты б мог один его ценить!
Он это знает...

Деций

Не за то ли
Меня и хочешь ты бранить?

Лезбия

Отчасти...

Квестор Теренций
(провинциальному претору)

...Ты совсем растаял?

Провинциальный претор

Вот красота-то!.. И не чаял
Подобной встретить отродясь!
Патрицианка?

Квестор Теренций

Нет, иная

Генеалогия у нас.
Происхожденьем массильянка,
Отец был галл, а мать гречанка.
Он был плясун. По городам
Таскал повсюду дочь с собою.
Потом Изидиным жрецам
Ее он продал. С их толпою
Чуть не во всех странах земных
Перебывав, пришла к Афинам,
Везде попрыгав с тамбурином
И в банделетках золотых.
Тут распрощалась с жрецами
И появилась между нами -
Прелестной внучкою царей
Понтийских - и все верят ей:
Осанка, гордый вид царицы,
Перед крыльцом живых два льва.
Гляди, как смотрит: голова
Назад закинута, ресницы
Что стрелы, молньеносный взгляд,
А профиль?

Провинциальный претор

Голова Медеи!

И косы вокруг чела лежат,
Что перевившиеся змеи!

Квестор Теренций

Да, змеи!.. Как сказала тут,
Что к нам от кесаря, так сжалось,
Друг, сердце! Так и показалось,
Что змеи всюду уж ползут
По Риму, бьют фонтаны ядом,
И под ее упорным взглядом
Вокруг всё падает и мрет!

Провинциальный претор

Такая красота...

Раздаются звуки труб. Общее движение.

Разные голоса

Э! гладиаторов трубят!
Бой будет, бой!..

Циник

(стоя среди залы и передразнивая всех)

А! крови, крови!
Сказался зверь! А не хотят
По Диогену жить!..

Все

Места! места!

*Входят гладиаторы. Попарно проходят мимо Деция, кланяются ему и потом
строятся в ряд в глубине сцены. Рабы сдвигают ложа, очищая место для боя.
Деций и Лезбия остаются на своих местах.*

Лезбия

Вот это в римском вкусе! Браво!
И уж за это честь и слава
Вам, римлянам!.. Да, да... Люблю!
Ты много держишь их?.. Я знаю
В них толк, сама их покупаю,
Кормлю, учу и продаю -
Превыгодно!

Деций

Ста два!

Лезбия

Так мало?

Два гладиатора выходят на середину залы.

Недурны люди. Это - галл,
А этот... свев. Держу за галла,
А ты - за свева.

Гладиаторы наступают друг на друга. Галл с мечом. Свев с палицей.

Сыплются удары на щиты.

(Следя за боем.)

Ну - пропал!

А! извернулся!.. Этот свев
Раскормлен очень... Впрочем, годен
Для палицы. Вот галл - свободен,
Увертлив, худ и быстр, как лев
Ливийский!..

Свев наносит страшный удар. Галл роняет щит.

Деций

Ну, ты проиграла!

*Свев снова замахивается. Лезбия встает на ложе. Деций смотрит,
приподнявшись на локте.*

Лида
(глухо)

И Деций смотрит!..

*Но галл увертывается; тяжелый удар свева падает на пол. Галл быстро вонзает
свой короткий меч ему между ребер. Свев падает.*

Лезбия

Угадала!

Ура! победа!..
(Рукоплещет, и все с нею.)

Галл вопросительно смотрит на Лезбию, наступив ногой на свева.

Лезбия

Ну, кончай!

Vae victis¹!

Общие крики

Кончай! кончай!

Галл закалывает свева под горло.

Лезбия

*(спрыгивает с ложа, подбегает к свеву и смотрит на рану. Около нее
собираются и другие женщины и молодые люди)*

¹ Горе побежденным! (лат.).

Удар на славу!
(К Децию, указывая на галла.)
Ты, Деций, мне его отдай!

Деций

Да всех бери!.. Хоть бы в забаву
Что удалось!

Циник

(шатаясь, подходит и толкает ногой убитого)

Матерый зверь!

Туллия

Уж близок к Стиксу, чай, теперь,
Так вот ему на переправу.

Кладет убитому в рот монету. Все смеются.

(Децию)

Теперь что ж? Общий бой?..

Лезбия

(возвращаясь на свое место)

Нет, полно! Некогда! вина
Налей мне! Жажда мучит. Рада
Всю ночь смотреть!.. до бела дня!..
Теперь к делам. Вот что мне надо.
Во-первых, ты поздравь меня
С другой победою!.. Большого
Она мне стоила труда, -
Но без труда и нет плода!
Теперь сказать мне только слово:
«Ты Деция мне подари!» -
И ты живешь...

Деций

(прерывая с закипающим негодованием)

Не говори,
Не думай... Это невозможно.

Лезбия

Не горячись. Мне всё возможно.
Ты выслушай. Дня через три -
Я всё обдумала - устрою
Я небывалый пир: с борьбою -

Род олимпийских игр - певцы
И бег... Конечно, все венцы
Получит кесарь... И, мой милый,
Ведь мы живем в чудесный век!
Его понявши, человек
Всего добьется, только б силы
Достало и ума. А ты
Такой достигнуть высоты
И славы можешь... Я ведь знаю
Людей и в будущем читаю,
Как пифия. Ты должен жить.

Деций

И в жизни лишь тебя любить!

Лезбия

Да, да, союз. А цель - тебе я
Могу лишь на ушко шепнуть:
Цель - «_Кесарь Деций_», и ничуть
Не трудно. Надо лишь умея
За дело взяться. Ты богат
И дашь мне средства...

Деций

(полунасмешливо)

О Цирцея!

Всё, всё за царственный твой взгляд!

Лезбия

(обыдьясь)

Упрямство, Деций, даже в детях
Нехорошо! С таким умом,
Как ты...

(Увидев Публия, который приближается к ней с чашей в руках.)

Да выгони мне этих
Вралей! Останемся вдвоем,
Я убедить тебя сумею...

Деций

Довольно!.. Всё, что я имею,
Твое, но с тем, чтоб не мешать
Мне умереть...

Лезбия

(смутясь)

Как понимать?

Деций
(в полном разгаре гнева)

Да! не мешать!.. И передать
Нерону, что, собравши силы,
Я, издыхая, из могилы
Пред целым миром прокричать
Ему хочу! Пускай он знает,
Что с легионами рабов
Не сломит в нас он дух отцов,
Что кесарь - сам он забывает,
Что этот дух в лице его
Себя лишь чтит за божество,
И кесарь он - пока лишь полон
Сам этим духом!..

Общее оцепенение. Все притаились на своих местах.

Лезбия
(соскочившая со своего места во время речи Деция, смотрит на него с испугом, потом с озлоблением; наконец, принимая повелительный вид)

Да заколите же его
Во имя кесаря!..

Все нерешительно поднимаются с мест.

Деций
(указывая на чашу с ядом)

Напрасно! Не трудитесь...
(Вполне овладев собой, к Давусу.)
Эй! Дав! открыть им галереи,
Все кладовые, все музеи,
Им все сокровища открыть,
Подвалы с золотом!.. Берите
И виллу всю хоть разнесите
По камню!..

Общее молчание; глухой и радостный гул проносится в толпе.

Квестор Теренций
(про себя)

Ух! отлегло!..

Фабий
(тихо соседу)

Всё нам дает?

Галлус
(хватает чернильницу за поясом, тихо Гиппарху)

Акт не составить ли? Donantis
Mens ne mutata sit¹?

Гиппарх

Ну, вот!
Уж тут jus primi occipantis²!

Давус
(поднимая связку ключей, ко всем)

Прикажете?..

Все бросаются со своих мест.

Сенатор Аспиций
(мрачно про себя)

Чем кончится всё это!..
(Уходит опустив голову.)

Фабий
(оглядывая столы)

А это всё - сосуды, кубки...

Харидем
(подле него, берет один кубок)

Вот вещь изящная!.. Голубки
Целуются...

Фабий
(вырывая у него этот кубок)

Давай сюда!
Рабы растащат же!

Публий
(берет разную утварь)

Да, да!
В гостинец внучкам!..

Великий жрец
(тихо)

¹ Дающему не изменил ли разум? (лат.).

² Право - захватившему первым (лат.).

Я богам!

За ними все, кроме Лезбии и Циника, который, совсем опьянев, развалился на ложе, хватают сосуды, чаши и пр. Опрокидывают многие канделябры.

Лезбия
(неподвижно смотревшая на Деция, с досадой)

...Эх, Деций!
(К эфиопам, указывая на толпу.)
Дорогу мне!
(К Давусу, пропуская его вперед.)
Иди!

Эфиопы расталкивают толпу.

Клавдий
(пропустив Лезбию, бегом возвращается с молодежью и женщинами на середину сцены и, потрясая огромным золотым сосудом)

Ты, Деций, бог!

Вся толпа

Бог! бог!
(Убегают, опрокидывая последние канделябры.)

Деций

Стократ проклятье вам!.. И мог
С ватагой этой ненасытной
Одним я воздухом дышать!

Циник
(бессознательно увлекаемый общим движением, пробует встать, но падает опять на ложе и кричит)

Хозяин! будешь умирать,
Так разбуди! Прелюбопытно!..
Всё хорошо!.. Эй, вы!.. Вы к нам,
Вы, самки!.. Туллия...
(Засыпает.)

Деций

Еще раз всем проклятье вам!

Зал остается с опрокинутыми сиденьями и канделябрами, освещенный только висящими сверху светильниками. Деций опускается на свое ложе, облокотясь на стол пред золотую чашей и глядя на нее.

Ну, что же?.. «Кончим представлень»,
Как тот сказал!..
(Берет чашу.)

Лида и Марцелл к нему приближаются.

Нужна не сила воли нам,
Чтоб жизнь порвать, а отвращенье,
Да, отвращенье к жизни!..
(Сильным движением поднимает чашу, чтобы выпить ее.)

Лида
(бросаясь к нему и удерживая)

Стой!
Стой, Деций...

Деций
(быстро поставив чашу на стол)

Лида... ты!.. Марцелл!..

Лида
(едва удерживая рыдание)

Несчастный! видишь... видишь - вот
Что создала вам мудрость ваша!
Ты лучше всех, так яду чаша!..

Деций
Печально! да!..
(Протягивая руку к Лиде.)
Но где ж исход,
Философ милый, где ж исход?
И если б был - то утешенья
Не много: поздно!

Лида
Никогда
Не поздно!.. Одного мгновенья
Увидеть разом свет, понять, -
Мгновенья одного довольно!
А там, что делать, что начать.
Само уж скажется невольно.
Увидя свет, уж никому
Назад не хочется во тьму!

Деций
(смотря пристально на Лиду)

Но что, скажи, с тобою, Лида?
Ты как в огне! Какой наряд!
Простая, темная хламида,
Покров широкий... Как горят
Глаза... Да где же ты скрывалась?
В последний раз передо мной
Ты по ристалищу промчалась
На колеснице золотой,
Сама конями управляла
И оглянулась на меня...
Весельем, розами сияла,
Мне в дар улыбку урони!..

Лида

Я выплыла из этой бездны!
Туда оглядывалась я
Лишь на тебя!.. Душа твоя,
Я знала, бьется бесполезно.
Ища в ней берега... И шла
Я указать тебе спасенье...
И сколько раз!..

Деций
(в недоумении)

Ты мне несла
Спасенье, Лида?.. Ты нашла?

Лида

Ты знаешь христиан?

Деций
(озадаченный)

Спасенье
Мне в христианах? Их ученье
Я знаю и не раз слышал
Их проповедников: худые
И загорелые, босые...
Их в Риме много... Одного
Я живо помню. Был забавен
Восточный выговор его,
И жест порывист и неплавен,
Но диким пафосом своим
Он поражал... Я помню, было
Вне Рима. Солнце заходило,
И он указывал на Рим...
Сам на горе стоял... Открытый,
Высокий лоб... Народ кругом...
И мы подъехали верхом

С прогулки... «Змей многоочитый, -
Он восклицал, - ты мир земной,
Обвив, сдавил его собой,
И здесь, на семихолмье, в Риме,
В златом венце и диадиме
Главой покоишься своей...»
Я оглянулся: блеск заката,
Весь вечный город, блеск огней.
Златая кесарей палата,
Водопроводы, виллы... Змей -
Великолепное сравненье!
Он разумел разврат, паденье
И порчу нравов; говорил
Всё в апологах, но оставил
В нас впечатленье. Впрочем, был
Из римских граждан...

Лида
(быстро)

То был Павел!

Деций

Ты знаешь их по именам?

Лида

Я христианка.

Деций

Как? Давно ли?

Лида

Всё дело в истине, а там,
Как к ней пришел, не всё равно ли?..
Вот слушай...

В цирке раз, среди
Несчастных, обреченных казни,
Одна стояла - на груди
Сложивши руки, без боязни
Смотря на зверя и кругом
На нас, на кесаря - без гнева,
И чудо красотою дева...
К кому-то вдруг вверху подняв
Глаза и точно повстречав
Кого-то там, рукой взмахнула,
И улыбнулась, и взглянула
Так, как бы к матери могла
Взглянуть невеста... Шум и клики

Тут поднялись... Но мне уж дики
Казались люди... Я ушла...
И с той поры три ночи рядом
Та дева, с тем же кротким взглядом,
Ко мне являлася и те ж
Слова мне тихо повторяла:
«Иди и мать мою утешь...»
И я пошла... И всё узнала...
И там, средь тихих, светлых слез,
Я всё нашла, чего искала, -
Я поняла, Кто был Христос...

Деций

(уклоняясь от впечатления)

Виденье... А, Марцелл, ты веришь,
Что Бруту Цезарева тень
Являлась на рассвете в день
Фарсальской битвы?..

Марцелл

К убийце? Может быть. Не знаю...
Но я виденье понимаю,
Что было Павлу... Он скакал
В Дамаск, пустыней, в злобе дикой
На христиан - он замышлял
Их истребить, - и вдруг великий
Увидел свет и из него
Услышал голос: «Для чего
Меня ты гонишь, Павел, Павел!»
Пред ним стоял Христос... И Павел,
Прийдя в Дамаск, уж не к врагам
Пошел Христовым, а к друзьям.
Такая ж, как о Павле, повесть
И обо мне. Мы все пройти
Должны по Павлову пути.
Неумолимой правдой совесть
Перепытать, как он в тот путь;
Так глубоко в себя взглянуть,
Чтоб въявь Христа увидеть...

Деций

(в изумлении, почти в испуге)

Боги!

(Вскакивает.)

И ты! ты, римлянин, ты, строгий
Патриций, воин, жизнь свою
Проведший в лагере, в бою...
Да ты... Ведь этот Рим Нерона,
Припомни, говорил ты сам,

Что два иль три бы легиона,
И разнесли вы по клочкам...

Марцелл
(по-прежнему спокойно и твердо)

Да, думал я, верна победа.
Но вдруг был в лагерь приведен
Ко мне под стражей Павел. Он
Судьбу мою решил!.. Беседа
Единой ночи!.. Весь раскрыт
Я перед ним стоял, разбит,
Как червь раздавлен...

Деций
(с возрастающим ужасом, перебивая его)

Озлобленье
В тебе, отчаянье...

Марцелл

Да! да!
Всё было: даже я всегда
С собой носил...

Лида

Прозренье,
Прозренье внутрь себя!

Марцелл
(тоном глубокого убеждения)

...Я понял, нам
Не бог предметом поклоненья
Во храме был, а самый храм!
Порядок в людях водворяя,
Цель жизни - мы открыли им?..
Одна случайность роковая
Являлась в ней и нам самим!..
Таков наш Рим: что он ни строит,
Он строит на песке морском;
Придет волна и зданье смоем,
И всех, кто жизни чаем в нем...

Деций
(перебивая с величайшею живостью)

О, Рим гетер, шута и мима -
Он мерзок, он падет!.. Но нет,
Ведь в том, что носит имя Рима,

Есть нечто высшее!.. Завет
Всего, что прожито веками!
В нем мысль, вознесшая меня
И над людьми, и над богами!
В нем Прометеева огня
Неугасающее пламя!
В символ победы это мной
В пределах вечности самой
Навек поставленное знамя,
Мой разум, пред которым вся
Раскрыта тайна бытия!
И этот Рим не уничтожит
Никто! Никто меня не может
Низвергнуть с этой высоты...

Марцелл

(горько; потом строго)

И вот один перед толпою,
На высоте, всем чуждый, ты
Лишь сам любишь себя собою
И с чашей яду лишь глядишь,
В красивой позе ль ты стоишь!..
Он, разум, значит, злая сила,
Когда, чтоб в высоте стоять,
Мильоны ближних надо было
Ему себе в подножье взять...

Деций

(в высочайшем разгаре страсти)

Мильоны ближних!.. Что такое
Мне эти ближние... Рабов
Ты сумеешь!.. О, пустое
Мечтанье этих мудрецов!
Рабы и в пурпуре мне гадки!
Как? Из того, что той порой,
Когда стихии меж собой
Боролись в бурном беспорядке,
Земля, меж чудищ и зверей,
Меж грифов и химер крылатых,
Из недр извергла и людей,
Свирепых, диких и косматых, -
Мне из того в них братьев чтить?..
Да первый тот, кто возложить
На них ярмо возмог, тот разом
Стал выше всех, как власть, как разум!
Кто ж суеверья их презрел
И мыслью смелою к чертогам
Богов их жалких возлетел,
Тот сам для них уже стал богом
И в полном праве с высоты

Глядеть, как в безотчетном страхе
Внизу барахтаются в прахе
Все эти темные кроты!..
Да! если есть душа вселенной,
Есть божество, - оно во мне!
И если, чтоб ему вполне
Раскрыться, нужно непременно,
Чтоб гибли тысячи тупых
Существ, несмыслящих, слепых -
Пусть гибнут!.. Такова их доля!
Им даже счастье неволя!
Лишь с дня, когда он в рабство впал,
Для мира раб хоть нечто стал!
(Продолжает ходить.)

Марцелл
(строго и горько)

Всё знаю! Так нас поучал
Наш славный разум! Он, который
Сам о себе нам говорит:
«Я истина», и без опоры
На меч бледнеет и дрожит!
Нерон, он убежден, что тоже
В нем истина!.. Великий жрец
И циник также... Отчего же
Твой разум лучше всех, мудрец?

Лида
(смотрит на Деция с ужасом)

Как ночь душа его мрачна!
Он - Боже! - никого не любит...
(Плачет истерически.)
Их гордость римская... Она
Их ум мрачит... Она их губит...

Деций
(останавливаясь перед нею)

К чему же слезы?.. Перестань...
(Смотрит на нее внимательнее.)
Но как ты, Лида, изменилась...
О, как ты стала хороша...

Лида
(после сильного напряжения, голосом искреннего чувства и всё более одушевляясь)

Я, Деций!.. Я давно простилась
Со всем земным!.. Твоя душа -
Ты мир обнять не можешь взором,

И вознестись на высоту,
И ту постигнуть красоту,
То совершенство, пред которым
Ничто твой жалкий, бедный мир,
Где ты лишь сам себе кумир!
Да, гордость, Деций!.. Ослепила
Она тебя!.. В земных цепях
Душа источник свой забыла,
А он, о Деций, в небесах!
Слова Христовы западают
Мгновенно в душу - оттого,
Что нам Его напоминают
И возвращают нам Его...
И тут уж смерть - конец разлуки,
Победный выход из тюрьмы, -
И примешь всё ты - смерть и муки,
Чтоб к свету вырваться из тьмы...
Ах, Деций! мир - одно терзанье!
И к свету раз открыл пути -
Ты будешь знать одно желанье:
Всем указать - и всех спасти!..

Деций

Ты точно вне уж мира, Лида!
Куда умчалась ты? Из вида
Теряю... Точно от земли
Оторвалась - меж звезд носилась
И к нам на землю воротилась
В их золотой еще пыли...

(Смеясь.)

Вот видишь, ты не ожидала, -
Перед тобой и я поэт!..

Лида

Он шутит!..

Деций

Бросим этот бред,
Прости, Марцелл, но только детям
И можно увлекаться им...

Лида

(с новым одушевленьем)

Бред, говоришь ты? Но уж Рим,
Уж мир исполнен бредом этим!
Уж мы на рубеже стоим,
И в Риме уж теперь два Рима!
Здесь - этот Рим; уж он как тень

Теперь, как призрак... Близок день, -
И он рассеется... и новый
Откроет Рим...

Слышно издали пение, и в глубине сада показываются медленно проходящие в сиянии светочей христиане.

Пение христиан

Ясный, немеркнувший,
Тихий свет утренний!
Ныне ведешь ты нас
К незаходимому
Свету бессмертному,
Дню беззакатному!

Деций

Кто это?

Лида
(торжественно)

Новый Рим!

Да! здесь

У вас пиры, а там, под вами,
В земле, там, в катакомбах, весь
Всечасно молит со слезами
О вас же - христианский Рим,
Чтоб Вседержитель Бог дал силы
Ему спасти вас...

Деций

Новый Рим!

Так христиане - новый Рим?!
Тут, в катакомбах, где могилы
Великих предков?!
(С судорожным хохотом.)

Новый Рим!

Да разве может быть два Рима?
Два разума! две правды! два
Могущества, два божества!..

Марцелл

И тот, где ложь, - неотвратима
Его погибель!.. Пусть нас жгут...

Деций
(порывисто)

Ужель мильоны вас?

Марцелл
(нерешительно)

...Не знаем...

Деций

Декрет ты знаешь?

Марцелл
(указывая на идущих христиан)

Исполняем,
Как видишь...

Деций

Как? Они идут
На смерть?

Лида

Что смерть!

Деций
(мрачно, смотря на христиан)

Глазам не верю!
На казнь идти и гимны петь,
И в пасть некормленному зверю
Без содрогания глядеть...
И кто ж? Рабы!..
(Почти в исступленьи.)

Да кто ж вы? Кто вы?
Марцелл! ведь строя Рим твой новый,
Пойми, ты губишь Рим отцов!
Созданье дел их! Труд веков!..
Рим, словно небо, крепким сводом
Облегший землю, и народам,
Всем этим тысячам племен,
Или отжившим, иль привычным
Лишь к грабежам, разноязычным,
Язык свой давший и закон!
И этот Рим, и это зданье
Ты отдаешь на растерзанье...
Кому же?.. Тем, кто годен был,
Как вьючный скот, в цепях, лишь к носке
Земли и камня, к перевозке
Того, что мне б и мул свозил!
Рабы!.. Марцелл, да где мы? Где мы?

Для них ведь камни эти немые!
Что нам позор - им не позор!
Они
(Указывая на статуи.)
 Пред этими мужами
Не заливались слезами,
С стыдом не потупляли взор!
И вдруг, без всякого преданья,
Без связи с прошлым, как стада
Зверей, которым пропитанье -
Всей жизни цель, придут сюда!
И где ж узда для дикой воли?
Что их удержит?.. Всё падет!
И Пантеон, и Капитолий
Травую сорной зарастет!..

Лида

Проходит зримый образ мира,
Но, Деций, мир не погубить
Пришел Христос, а словом мира
В любви и правде возродить...

Марцелл

И жизнь вдохнуть в него!

Деций

(к Марцеллу с презрением)

Несчастный!

(Взглянув на чашу с ядом.)

О, умирать теперь ужасно!
Или игралищем судьбы
Я был досель? С врагами бился,
А злейший враг меж тем подрылся
Уже под самые столбы
Нас всех вмещающего храма!
Я тени предков вызывал,
Противу моря зла упрямо
Средь ярых волн его стоял
Живым укором и проклятьем,
Непобедим, непоколебим...

Циник

(проснувшись)

Хозяин, умер?

Марцелл

Вот твой Рим

Тебя зовет: к его объятьям
Стремись скорее, - что нужды,
Что этот муж в своем паренье
Не видит далее еды?
Одной вы матери рожденье,
Того же дерева плоды!

Между тем почти рассвело. Христиане, все в возрастающем числе, продолжают проходить вдали, при пении гимнов. Из них выделяются группы рабов Деция, которые останавливаются перед входом в залу и потом, впереди Иов, входят в залу, по окончании следующей речи Марцелла. Марцелл и Лида делают несколько шагов к ним и смотрят на них с благоговением. Деций отступает на другую сторону сцены. К нему присоединяется Циник, со словами: «Это что?» - указывает на христиан и прислушивается.

Гимн христиан

Ясный, немеркнувший.
Тихий свет утренний,
Ныне ведешь ты нас
К незаходимому
Свету бессмертному,
Дню беззакатному...

Марцелл

Ну, Деций! время... Со своими
Я уйду... Прощай.:

(Хочет идти, но возвращается опять и говорит Децию, указывая на христиан.)

Ты видишь - вот - живые
Все души, в каждом разум свой,
Но все любовью одной,
Как солнцем глубины морские,
Озарены!.. Здесь нет вождей!
Творят дела здесь уж не люди!
Для всех, как для простых орудий,
Скрыты цели! Без мечей
Идем к победе несомненной!
Пойми ж, что свыше лозунг дан!
То Божий дух по всей вселенной
Летит, как некий ураган...
Что было светом - в мрак отходит!
Все солнца гаснут! Новый день
И солнце новое восходит,
Всё прежнее бежит как тень.
Что ж, гордый человек, усиленно
За тень хватаясь, вместе с ней
Исчезнуть хочешь в тьме могильной,
В безумной гордости своей!
Себя поставивши судьей
Над всей Вселенной, никогда
Уж не признаешь над собою

Глаголов Божьего суда?..

Деций

(к Марцеллу твердо и выразительно)

Мой суд - я сам! Всё, чем мой разум
Могуч и светел, дал мне Рим, -
И пусть идут все боги разом,
И с ними все народы - им
Не уступлю и упреждаю
Их вызов...

(Берет чашу; Лида бросается к нему, он ее отталкивает.)

Прочь!

(К Цинику.)

А ты беги

И в Риме всем кричи: враги
В его стенах! Что умираю
Я на посту своем за Рим!
За вечный Рим!..

(Выпивает чашу.)

Лида

(закрывая лицо руками и падая на колени)

Боже! Я

Имела веры не довольно!

Деций

(увидав вошедших христиан)

Прочь!

Иов

Боже сильный! отпусти
Ему грех вольный и невольный!
(Приближаясь к Децию.)
Ты ж, господин, ты нас прости,
Коль в чем виновны пред тобою!

Деций

(сурово)

Что надо вам?

Лида

Твои рабы
Идут на смерть и молят, Деций,
Чтоб Бог простил тебя и ты
Простил бы их!..

Деций быстро от них отворачивается.

Циник

О чем хлопочут?
И ведь не плуты, не морочат!
Поди ж, ведь создают себе
Мученья!.. Мудрецы всё!..
(Уходит.)

Деций

(склонясь на ложе, Марцеллу)

А если все нас так рассудят,
Марцелл?

Лида

(искренно, страстно)

Суд только Божий будет!
Ты, Деций, ты любил, что знал:
Знал Рим! Его любил ты много,
Собой пожертвовал, страдал...
О! жертва всякая у Бога
Сочтется...

Деций

(с ненавистью, грозно)

Лида! я б вас гнал,
Когда бы жил еще! Терзал
Зверьми б, живого б не оставил!..

Лида

(слезы в голосе)

Ты б гнал, покуда б не узнал,
Покуда б не прозрел, как Павел.
И больше нас тогда б Христа
Великим разумом прославил!
В тебе была ведь прямота!
Прозрев, отдался б в искупленье
Всех зол, что сотворил!.. Прощать
Ты б научился... да!.. прощать!
Ведь христианство, всё ученье,
Нет, не ученье - жизнь - прощенье,
Ежeminутное прощенье,
Прощенье вечное!..

Деций

(приподнимаясь и пристально смотря на Лиду)

Не та!..
Не та!.. Так кто же ты?.. Виденье?
Дай руку...
(С ужасом.)
Свет вокруг тебя!
Что ж это? Что?
(Падает и умирает.)

Лида
(опускаясь перед ним на колени)

Он был один,
Кто был еще мне дорог в мире!..

Марцелл
(смотря на Деция)

Сын века! свет был пред тобой...
Не видел ты!

Солнце полным блеском озаряет сцену.

Уж солнце! Вот он,
Наш день!

Лида
(поднимаясь)

Твоя теперь, Господь,
Вся, вся Твоя!

Иов

Слава Тебе, показавшему нам свет!

Присоединяются к христианам и уходят с ними с пением гимна: «Ясный, немеркнущий» и пр. Занавес падает.

1872, 1881